

Иван Леонтьевич Щеглов

**У отца Иоанна
Кронштадтского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Щ33

Щ33 **Щеглов И.**
У отца Иоанна Кронштадтского / Иван Леонтьевич Щеглов – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 71 с.

ISBN 978-5-521-38823-3

ISBN 978-5-521-38823-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

шаясь къ своему сосѣду, благодушному толстяку въ купеческомъ картузѣ, — а я вамъ расскажу про отца Іоанна два случая совсѣмъ въ иномъ родѣ-сь, лично мнѣ извѣстные. Не угодно ли?

Пассажиры, сидѣвшіе поблизости, насто-рожились.

— Захожу я какъ-то на прошлой недѣлѣ къ моему старому пріятелю, артисту Б. Ну, извѣстно артистъ: въ Бога не вѣритъ, разные тамъ цыганскія пѣсни, нимфы на стѣнахъ и, знаете, все этакое...

Разсказчикъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ въ воздухѣ.

— Только заглянулъ я какъ-то въ уголъ около окна, — и глазамъ своимъ не вѣрю. Понимаете, въ уголку на гвоздочкѣ образъ виситъ, и тутъ же, неподалеку на стѣнкѣ, портретъ отца Іоанна. Что, думаю, за притча такая? Прежде такого духу здѣсь не было. Обращаюсь къ хозяину.

„Такъ и такъ, — говоритъ, — произошла тутъ надняхъ со мной цѣлая исторія. Ужъ не знаю, какъ и объяснить... Захворала, видишь, у насъ жена домовладѣльца

и пожелала, чтобы отецъ Іоаннъ надъ ней молитву прочиталъ. Ну, тотъ и пріѣхалъ... Я, можетъ-быть, и не узналъ бы, что онъ пріѣхалъ, да у насъ на лѣстницѣ такая суматоха поднялась, словно пожаръ. А у меня тѣмъ временемъ одинъ клубный актерикъ сидѣлъ, изъ комиковъ. Отчего, думаемъ, не полюбопытствовать... Пошли. Народу въ квартиру понабилась тьма, такъ что, ежели бъ не мой благодатный ростъ, пожалуй ничего бы и не увидѣлъ... Промостился это я въ передней, и мнѣ, черезъ анфиладу комнатъ, какъ разъ видно, какъ онъ въ спальнѣ молитву передъ образомъ читаетъ... то-есть, собственно, не читаетъ, а какъ-то истерично всхлипываетъ, воздѣвая руки кверху. Богъ знаетъ почему, показалось мнѣ тогда все это неестественнымъ. Наклонился я это къ уху комика и тихонько скажи:—Тоже, поди, комедію ломаетъ, какъ и мы грѣшные! — Только вотъ отецъ Іоаннъ молитву прочелъ, благословилъ больную и быстро проталкивается назадъ, къ лѣстницѣ... А мы, надо сказать, своей позиціи не бросаемъ, чтобы его хорошенько поближе раз-

смотре́ть. Проходить это онъ мимо меня и вдругъ, какъ бы нечаянно, потрепалъ меня этакъ по плечу, полуулыбнулся и шепнулъ: *А комедию все-таки досматривалъ?*—Я такъ и обомлѣлъ: стою на мѣстѣ, какъ столбъ, и ничего не понимаю. Бросился я, было, потомъ за нимъ внизъ по лѣстницѣ,—да куда, его ужъ слѣдъ простылъ“.

„—Ну, и что жъ ты послѣ этого?

„—Да что же,—говорить,—сейчасъ пошелъ на Невскій проспектъ, въ магазинъ Попова, и приобрѣлъ себѣ сей портретъ“.

— И вѣришь?—спрашиваю.

„—Ну, ежели и не вполне вѣрю, то, во всякомъ случаѣ, смѣяться больше *надъ этимъ* не стану!“

На минуту воцарилось молчаніе. Впечатлѣніе отъ разсказа получилось сильное, и случайные слушатели внушительно между собой переглянулись.

— Удивительная духовная прозорливость!— задумчиво проговорилъ господинъ въ купеческомъ картузѣ.— Совсѣмъ на манеръ какъ отецъ Амвросій...

— Это воптинскій? — отозвался какой-то мѣщанинъ въ чуйкѣ.

— Да, оптинскій! — подтвердилъ картузь.

— А вотъ-съ вамъ другой случай, происшедшій не далѣе какъ нынѣшнимъ лѣтомъ, — заговорилъ вновь военный въ очкахъ, очевидно взволнованный своимъ первымъ сообщеніемъ. — Проѣздомъ въ Ростовъ, я прогостилъ нѣсколько дней въ харьковскомъ имѣніи князя Г. Знаете, который еще...

Картузъ кивнулъ головой въ знакъ того, что знаетъ въ чемъ дѣло.

— Ну, такъ вотъ у него служилъ буфетчикомъ молодой парень, по имени Ѳеодоръ, женатый. А жену его, какъ сейчасъ помню, звали Ксеніей. Она у княгини горничной служила. И вотъ какъ разъ проѣзжалъ въ то время черезъ Харьковъ отецъ Іоаннъ. Ѳеодоръ и отпросился у князя съѣздить на ближайшую станцію, чтобы хоть разъ въ жизни посмотрѣть на батюшку. А тутъ жена за нимъ увязалась: возьми да возьми, я тоже хочу батюшкино благословеніе получить. Тотъ ей разные доводы: что, дескать, вмѣстѣ неудобно, да и княгиня разсердится; что онъ,

все равно, потомъ ей все расскажетъ и т. д. Ну, словомъ, не взялъ. Вотъ забрался онъ чуть свѣтъ на станцію и вмѣстѣ съ тысячной толпой ждетъ — не дождется поѣзда. Поѣздъ наконецъ подошелъ. Отецъ Іоаннъ вышелъ изъ вагона на дебаркадеръ и, проходя въ комнату начальника станціи, по пути наскоро благословляетъ тѣснящійся около народъ. Благословилъ онъ и Ѳедора въ числѣ другихъ, тоже мимоходомъ, наскоро. Только, какъ бы вы думали, что проговорилъ онъ, проходя мимо него?

— Ну-те?—послышались нетерпѣливые голоса.

— Благословляю тебя, рабъ Ѳедоръ... Отчего ты *Іисеніи* не взялъ съ собой?..

На этотъ разъ впечатлѣніе на всѣхъ было ошеломляющее, и, если бы не начавшій накрапывать дождикъ, понемногу разогнавшій слушателей, бесѣда, вѣроятно, приняла бы еще болѣе интересный оборотъ. Въ числѣ прочихъ поспѣшилъ укрыться въ каюту и я.

Въ жизни трогательное и комическое сплошь идутъ рука-объ-руку. И въ низенькой каютѣ, гдѣ помѣщался буфетъ, и гдѣ

было невозможно накурено, я натолкнулся на такую сцену: за столикомъ около буфета чайничала дружная купеческая компанія — благообразный старикъ съ сѣдой окладистой бородой и двое безбородыхъ, обнаруживавшихъ къ первому очевидное вниманіе и почтительность. Тутъ же, возлѣ, на диванчикѣ, расположилась съ цѣлымъ ворохомъ какихъ-то нескладныхъ пакетовъ барыня, уже не молодая, но очень подвижная и въ очень смѣшной малиновой бархатной шляпкѣ съ рембрантовскими полями; сосѣдкой этой барыни приходилась другая—небольшая, толстенъкая, въ рінсе-пез, и съ худосочнымъ шестилѣтнимъ сыномъ въ матросской шапочкѣ съ надписью на околышѣ: „Маренго“. Далѣе за дамой съ матросикомъ помѣщалась очень сосредоточенная и блѣдная барышня съ мужской прической и папкой съ ярлычкомъ „musique“. Всѣ три, повидимому, только что между собой перезнакомились и обмѣнивались первыми церемонными фразами. Изъ этого бѣлаго обмѣна мнѣ, однако, удалось узнать о барынѣ въ малиновой шляпкѣ три очень важныя вещи: что малиновая шляпка

куплена у *Ля-Птитъ-Жаннетъ* въ Пассаждѣ, что барыня хочетъ разойтись съ мужемъ и ѣдетъ посовѣтоваться съ отцомъ Іоанномъ, но что она ѣдетъ въ Кронштадтъ въ первый разъ и рѣшительно не знаетъ, что съ ней тамъ произойдетъ.

— Скажите, пожалуйста, вы не „кронштскіе“? — обратилась она вдругъ къ сѣдобородому купцу, дувшему на блюдечко съ чаемъ.

— Такъ точно-съ, мы кронштадтскіе! — не отрываясь отъ блюдечка, процѣдилъ купецъ.

Барыня вся какъ-то радостно затрепыхалась.

— Вотъ какъ это мило! Значить, вы мнѣ скажете, что мнѣ сдѣлать, чтобы повидать отца Іоанна?.. А то я въ ужасномъ положеніи: ѣду въ первый разъ и положительно не знаю, гдѣ и какъ...

— Батюшка-съ нынче очень заняты, и повидать ихъ довольно затруднительно, — отозвался одинъ изъ безбородыхъ. — Самое лучшее, ежели бы вы пожаловали прямо къ заутренѣ, тогда уже навѣрное сподобитесь повидать...

Лицо барыни разочарованно вытянулось.

— Какъ же это такъ „у заутрени“?—произнесла она упавшимъ голосомъ. — Но это невозможно: не могу же я, въ самомъ дѣлѣ, сидѣть въ Кронштадтѣ до Пасхи?!

Безбородые купчики тихо фыркнули, но старикъ-купецъ оказался человѣкомъ снисходительнымъ и словоохотливымъ и обязательно пояснилъ встревоженной барынѣ, что въ православномъ богослуженіи утренья совершается каждый день передъ обѣдней. Лицо дамы такъ же быстро просіяло, какъ сначала быстро опечалилось.

— Ахъ, какъ это удобно, что у васъ въ Кронштадтѣ это каждый день. Это въ высшей степени удобно... Вообще, насколько я слыхала, отецъ Іоаннъ положительно святая личность! А чудеса, говорятъ, онъ совершаетъ такія, что просто уму непостижимо... Вѣдь это, господа, правда?—заклчила она, томно прищурившись, обращаясь ко всѣмъ вообще и ни къ кому въ особенности.

Старикъ-купецъ даже усмѣхнулся.

— Помилуйте, мадамъ, какъ же неправда, когда еще третьяго дня батюшка исцѣлилъ

своей молитвой дочь аптекаря изъ Ревеля... Да вотъ-съ, — кивнуль онъ на одного изъ безбородыхъ купчиковъ, — Андрей Тихонычъ знаютъ всю исторію въ подробности.

„Андрей Тихонычъ“ взмахнуль своими на-масленными кудрями и разсыпался передъ барыней въ самыхъ обходительныхъ подробностяхъ.

И опять, и еще опять пошли съ разныхъ сторонъ рассказы про чудесныя дѣянія отца Іоанна: какъ онъ исцѣлилъ однимъ своимъ благословеніемъ ремесленника Б., страдавшаго буйнымъ помѣшательствомъ; какъ учительница Д. мгновенно излѣчилась отъ нестерпимыхъ головныхъ болей, которымъ была постоянно подвержена, когда однажды о. Іоаннъ, пробираясь сквозь толпу на молебень, мимоходомъ коснулся ея головы; какъ жена одного механика, въ Архангельскѣ, удрученная крайней слабостью зрѣнія, обратилась къ батюшкиной молитвѣ и какъ, вслѣдъ затѣмъ, она случайно разбила свои единственные очки, но уже стала такъ хорошо видѣть, что новыя не пришлось заводить вовсе; или какъ одна нѣмка-кондитерша, прикованная

къ постели какой-то неизлѣчимой болѣзнью послала въ Кронштадтъ одну свою знакомую къ о. Іоанну съ просьбой помолиться о ней какъ тотъ въ 3 часа пополудни помолился, знакомая, вернувшись, узнала, что больная ровно въ 3 часа пополудни поднялась съ постели, почувствовавъ совершенное облегченіе, и т. д., и т. д.

Завязавшаяся бесѣда естественнымъ образомъ привлекла многочисленныхъ слушателей, — вѣрующихъ и невѣрующихъ, жаждущихъ живого слова и просто ищущихъ какъ-нибудь убить время полуторачасового путешествія. Мое вниманіе невольно приковывала къ себѣ одна женская фигура, укутанная съ головой въ черный платокъ и полулежавшая въ темномъ углу, на задней скамьѣ; изъ-подъ платка, обрамлявшаго безкровное и истомленное лицо, сверкали лихорадочнымъ блескомъ страстной вѣры два черные, напряженно-расширенные глаза... О, эта прямо ждала чуда и очевидно цѣплялась за слышанное, какъ за свое послѣднее утѣшеніе!.. Какими смѣшными и жалкими показались мнѣ, въ сравненіи съ этой скорбно-молчаливой